

России, будут, вероятно, лишь вновь открытою, но зато по новому достигнутой древнею мудростью», как утверждает сам же И. Я. Савич вслед за проф. И. А. Ильиным. Впрочем, еще раньше он поясняет: «Новы» и древние, в веках оправданные мысли. «Стары» — и воззрения недавно родившиеся», и он приводит слова проф. И. А. Ильина: «Новое ценно не новизною своею, а целительной верностью».

К чему вся эта путаница? Не лучше ли прямо говорить об истинном и ложном, добром и злом, справедливом и несправедливом, верном и ошибочном?

Все, что пишет Савич о национализме, я могу лишь приветствовать; впрочем, за исключением термина «Русская истина», на мой взгляд, абсурдного, внутренне противоречивого. Лучшая черта нашего национального духа именно в том и заключается, что мы стремимся к подлинной истине, а не к какому бы то ни было суррогату истины, хотя бы и своего собственного производства. В наших исканиях, именно в этом и должен сказываться наш национализм; и еще, — в вопросах, по своей глубине не доступных научному исследованию, — в доверии к интуиции русского народа, проявившейся в веках русской истории. В остальном, чтобы сохранить свой национальный дух и облик, нам достаточно любить и уважать свой народ в непрерывном ходе его исторического развития: кто любит и чтит своего отца, тот не будет грустить над тем, что было ему дорого, но проявит бережное отношение ко всему, что связано хотя бы только с его памятью.

С. Попандопуло.

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ. «XV легион», Таллин, 1937 г.; «Голубь над Понтом», Таллин, 1938 г.

Об этих книгах уже писали, но, как

это ли странно, никто из рецензентов не подчеркнул их основного достоинства, благодаря которому они, в наше время, могут быть признаны являем, поистине, замечательным. Это достоинство заключается в том, что Ладинский этими книгами как бы напоминает художественной литературе об ее истинном назначении — назначении, о котором уже давно совершенно забыли и писатели, и критики. Эта основная задача эстетики заключается совсем не в том, чтобы изображать жизнь (как это думают теперешние критики и писатели), — а в том, чтобы представить в образах красоту жизни или, вернее, один из аспектов последней — возвышенное в жизни. Задачу эту Ладинский выполняет с великим искусством, и его книги проникнуты глубочайшей поэзией. Я не скажу — как выразились некоторые критики — что ценность Ладинского в том, что он одновременно и писатель, и поэт; не скажу я этого только потому, что это было бы равносильно утверждению, что можно быть художественным писателем и, одновременно, пошляком... На фоне всех этих, столь набивших оскомину, современных писаний, где на десятках страниц бессмысленно изображается, напр., как мужик завязывал онучу, — картины великих событий и характеров, набросанные Ладинским, производят волнующее и чарующее впечатление!

Автор тоже иногда описывает мелочи жизни, — но все они являются только средством и рамкой, для того, чтобы подчеркнуть основную идею: человек рожден для великих замыслов и свершений, и вся материальная сторона жизни — только обширное поле для проявления человеческого духа...

Следует указать также на «высокий эротизм» обеих книг, которым проникнуты, впрочем, и дру-

где, более мелкие, работы автора: последний выражается в чрезвычайно тонком умении подчеркнуть «метафизический» момент в отношениях между людьми.

Книги свидетельствуют кроме того о глубокой эрудиции автора, — эрудиции, которая растрогает всех любителей и знатоков Древнего Мира. Этот автор как бы разрывает, повидимому, твердо установившуюся последнее время традицию, включающуюся в том, что писатель должен быть прежде всего «серым, как штаны пожарного». Поблагодарим его за это.

Н. А. Реймерс.

НИКОЛАЙ СТАНЮКОВИЧ — «Свидетельство».

Опять, опять... Уже который раз Встает вопрос — зачем мне это? Подвалы памяти и зоркость глаз И лира ветхая поэта.

Таких словами начинает поэт одно стихотворение из своей новой, недавно вышедшей книги стихов «Свидетельство», и сам же, в других стихах, дает на это ответ.

Н. Станюкович — не новичек в литературе. Несколько лет тому назад вышла его первая книга стихов «Из пелла». И первая, и вторая книга связаны между собой органически — в них чувствуется один автор. Автор, прежде всего, хорошо знающий структуру и технику стиха и хорошо ею владеющий. У него есть свой голос и свой стиль — крепкий и иногда несколько торжественный, что доказывает только, что поэт не боится быть самим собой и идти, в этом смысле, даже в разрез с современной поэзией, не гонясь за пресловутой «простотой», которая является непреложным законом для всякого поэта, не нашедшего своего места в литературе. Нет, Станюкович не боится говорить о «языке богов», и

о «ветхой лире поэта» и в его стихах это не звучит архаизмом.

Есть у Станюковича и большая «зоркость глаз», он умеет заметить —

И бездумно боком проле: «свешую,
Солнцем ослепленную сову
— и этот незначительный штрих дает сразу яркую картину и делает стихотворение живым и правдивым.

«Подвалы памяти» тоже играют большую роль в стихах Станюковича. Не даром книга названа «Свидетельство» — свидетельством нашей эпохи.

Раскинутые хищною судьбой
Безумия стальные сети —
Туман кровавый, ненависть,
разбой,

Растрепанные в подвалах дети...

А такие стихи, как «Прошмыгнул в котелке и гетрах», или «Беженка» — разве не являются они самым лучшим свидетельством о наших днях здесь, в изгнании? И разве не по таким именно «свидетельствам» будущий писатель, будет работать над историей русской эмиграции?

Отмечу еще одну отличительную черту творчества Станюковича. Поэт часто размышляет о том,

Как оскорбительно недужен
Наш день — боренье черных снов,
о том, что

смертный изнемог,
В нем отречение готово.
Он горько восклицает —

Все суета сует.
И даже эти голоса «оттуда»
Всего лишь крови запоздалый
бред.

Таких цитат можно привести множество. И во всех этих строчках звучит подлинное отчаяние, — опять таки «свидетельство» человека, видящего и не могущего помочь.

И если нет надежды юной вперед,
То, стало быть, и нет движения.
А нет движения — надо умереть,
Дать пищу для жидкого тлания.
Но какая то «юная надежда» у по-